

ДЖАТАКА О МУЖЕ ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ

Со слов: «Крепись душою, славный муж...» — Учитель — он жил тогда в Джетаване — начал рассказ о монахе, который стал являть недостаточное усердие.

«Правда ли, брат мой, что ты ослаб в усердии своем?» — спросил у этого бхиккху Учитель и, получив ответ: «Правда, почтенный», молвил: «Как могло случиться, брат мой, что ты утратил рвение, хотя идешь путем единственного вероучения, ведущего к спасению? В прежние времена люди истинно мудрые, даже лишась царства, оставались неколебимыми в своем усердии и вновь обретали утерянную славу». И, разъясняя суть сказанного, Учитель поведал о том, что было в прежней жизни.

«Во времена стародавние, когда на бенаресском троне восседал Брахмадатта, Бодхисатта воплотился в облике сына царя от старшей жены. В день наречения ему дали имя «царевич Силава», что означает «Добродетельный». К шестнадцати годам царевич превзошел все науки, ремесла и искусства. Впоследствии, с кончиной отца, он взошел на престол под именем царя Махасилавы, то есть «Высокодобродетельного», ибо он был всецело предан дхамме и царствовал в полном с ней согласии. Близ всех четырех городских ворот, а также в центре города и рядом со входом во дворец он распорядился воздвигнуть странноприимные дома. Он сам, своими руками, раздавал милостыню, хранил верность нравственным установлениям, соблюдал посты, был исполнен любви, терпимости и милосердия — словом, управляя царством, был столь же ласков со всеми своими подданными, как отец, ласкающий сына.

Один из советников царя дурно вел себя во внутренних покоях; со временем слух об этом распространился повсюду, и другие советники донесли на него царю. Царь самолично занялся делом советника, установил его вину и, повелев советнику явиться, изгнал его из своего царства, сказав: «О неразумный слепец! Ты дурно вел себя и не должен более оставаться в моем государстве. Забирай все, что у тебя есть, забирай чад и домочадцев своих и ступай прочь!» Покинув царство Каси, изгнанный советник поступил на службу к царю Косалы и со временем сделался правой рукой тамошнего властителя.

Как-то раз сказал он царю Косалы: «Государь, царство бенаресское - будто соты с медом, еще не облепленные мухами: царь их чрезмерно мягок и его царство можно завоевать небольшими силами.. Задумался при этих словах царь Косалы. «Ведь царство бенаресское огромно»- размышлял он,- а мой советник говорил что можно завоевать незначительными силами. Уж не подослан ли он?» «А ты не лазутчик ли вражеский?» - спросил он. «Нет, государь,- ответил советник,- никакой я не лазутчик. Я говорю сущую правду, а коли мне не веришь, пошли людей разорить ближайшую к нам деревню в царстве Каси: увидишь, что людей твоих схватят и приведут к царю бенаресскому а он их наградит и велит отпустить». Царь подумал: «Видно, что он говорит это с полной уверенностью и решимостью. Испытаю-ка я его». И он велел послать воинов в деревню.

Воинов, конечно, схватили и отвели к царю бенаресскому Царь спросил их: «Любезные, почему вы разорили деревню?» «Жить нам было не на что, государь»,-ответили они. «Отчего же вы не пришли ко мне? - воскликнул царь. - Смотрите, отныне так не поступав те!» Он велел дать задержанным денег и отпустил их с миром. Воины вернулись к царю Косалы и рассказали ему обо всем. Царь не успокоился и вновь послал воинов - теперь уже в самый центр соседней страны, но и этих грабителей царь бенаресский повелел оделить деньгами и отпустить. Правитель Косалы и тут не успокоился и отправил еще отряд - грабить прямо на улицах Бенареса, но и в этот раз царь бенаресский грабителям денег и отпустил их с миром. И уверился наконец царь Косалы: «Сверх меры предан дхамме правитель бенаресский. Завоеем же царство бенаресское!» Приняв такое решение, он выступил со всем своим войском в поход.

В ту пору у царя Бенареса была в распоряжении почти тысяча непоколебимо стойких, мужественных, искусных в ратном деле воинов - таких, что не дрогнули бы даже и перед обезумевшим в течке диким лесным слоном Таких, что им нипочем была бы и громовая стрела самого Сакки, пади она внезапно им на головы, таких что - будь на то воля их повелителя, царя Махасилавы,- могли бы завоевать для него даже всю Джамбудипу! Узнав, что царь Косалы выступил в поход, воины сказали царю бенаресскому: «Повелитель Косалы, желая захватить царство бенаресское, идет на нас войной. Мы выступим против него и возьмем его в плен, не дав и шагу ступить по нашей земле». «Нет, дорогие мои,— ответил им царь,— да не будет никому причинено ни малейшего вреда по моей вине! Не выступайте против него: пусть, если хочет, захватывает царство». Царь Косалы вторгся в их страну и дошел до ее центра. Советники подступились к царю с той же просьбой, и царь снова отказал им. Царь Косалы подошел со своим войском уже к самым стенам города и направил царю Махасилаве послание с требованием либо выйти на бой, либо отдать ему царство, бенаресский же царь ответил ему: «Не стану я сражаться, забирай царство». И еще раз советники принялись просить царя: «Государь, дозвожь только нам выступить, мы не допустим, чтобы царь Косалы вошел в город: там же, за городскими стенами, возьмем его в плен и приведем к тебе». Но и на этот раз царь бенаресский отказал им и, повелев распахнуть городские ворота, сел, скрестив ноги, на свой огромный трон, вся же тысяча его советников встала вокруг.

Царь Косалы со всей своей огромной армией вступил в Бенарес. Не встретив на пути никого, кто оказал бы ему сопротивление, он вошел через открытые двери в царский дворец и увидел царя бенаресского Махасилаву. Царь в пышном одеянии и в украшениях безмятежно восседал на огромном троне, а рядом — толпились его советники числом в тысячу. Повелев схватить их всех, царь Косалы приказал: «Идите, крепко свяжите царю и его советникам руки за спиной и бросьте их туда, где валяются мертвые тела. Выройте там в земле ямы и поместите в них пленников — так, чтобы только головы торчали над поверхностью и чтобы они даже рукой не могли пошевелить,— а потом засыпьте ямы землей: ночью явятся шакалы и накажут преступников по заслугам». Выполняя приказание царя-злодея, его прислужники крепко связали руки за спиной бенаресскому владыке и его советникам и повели их прочь. Но даже и в этот миг царь Махасилава не испытывал ни капли ненависти к царю-злодею. И ни один из советников, когда их, связанных, выводили из дворца, не осмелился нарушить царскую волю — вот ведь сколь хорошо умели вести себя царские подданные!

И вот прислужники притащили царя Каси вместе со всеми его советниками на то место, куда сваливают мертвецов, вырыли для них ямы — для царя посередине, а для его верных слуг — по обеим сторонам от него,— затем, закопав их всех, так что только головы торчали над землей, разровняли землю, крепко утоптали ее и утрамбовали заступами и после этого ушли. Но и тогда Махасилава, не держа никакого зла против царя-мучителя, продолжал ободрять советников и призывал их исполниться чувства любви.

В полночь явились туда шакалы, влекомые запахом человеческого мяса, но царь и его советники, увидев их, принялись громко кричать все разом, и шакалы в страхе бросились прочь. Пробежав некоторое расстояние, шакалья стая остановилась, огляделась и, убедаясь, что за нею никто не гонится, воротилась. И вновь пленники закричали, и вновь стая пустилась наутек. Так повторялось трижды, пока, наконец, оглядевшись в последний раз, шакалы не сообразили: «Должно быть, это кричат люди, приговоренные к смерти». Сразу взбодрившись, они повернули обратно и больше уже не пугались криков. Вожак стаи выбрал себе в жертву царя бенаресского, остальные шакалы нацелились на царских советников. Хитроумный же царь, лишь только завидел перед собой вожака шакалов, поднял голову, как бы подставляя его клыкам свою шею, но в тот же миг сам вонзил зубы в горло шакала, изо всей силы сдавив его, будто клещами. Не в силах вырваться от царя, челюсти которого все сильнее сжимали ему горло, как будто сдавливаемое хоботом слона, шакал в страхе за свою жизнь завыл смертным воем. Остальные шакалы, слыша этот жуткий вой, решили, что их вожак попал в руки людей, и, не смея приблизиться к советникам, страшась за свои жизни, кинулись прочь. Стремясь вырваться из челюстей царя, плененный шакал бешено

кидался из стороны в сторону, и земля от его бросков сделалась рыхлой. В смертельном ужасе он рыл землю всеми четырьмя лапами и освободил от земли верхнюю половину туловища царя. Почувствовав, что земля стала совсем рыхлой, царь отпустил шакала, и мощный, как слон, начал раскачиваться из стороны в сторону. Наконец, выпростав руки и опершись ими о края ямы, он, словно ветер, разгоняющий тучи, сбросил с себя землю и поднялся во весь рост. Потом, ободрив своих советников, откопал их и вытащил из ям. И все пленники оказались на свободе.

А надобно сказать, что тут же, неподалеку, на границе между владениями двоих яккхов, валялся мертвец, которого привезли туда и бросили. Яккхи никак не могли поделить между собой это мертвое тело. «Сами мы не сумеем договориться, а этот царь Силава предан дхамме, пусть он и произведет дележ,— решили они.— Пошли к нему!» Волоча за собой мертвое тело за ногу, яккхи приблизились к царю и стали его упрашивать: «Сделай милость, государь, раздели мертвеца и дай каждому его долю». «Почтенные яккхи,— отвечал им на то царь,— я бы с удовольствием сделал это для вас, но я нечист, мне прежде надо бы помыться». С помощью волшебства яккхи в одно мгновение доставили царю для омовения розовую воду, приготовленную во дворце для царя-злодея. Когда бенаресский царь вымылся, яккхи поднесли ему одежды, принадлежавшие его недругу, а потом — ларец с благовониями четырех видов, а когда царь умастил свое тело, они подали ему золотую шкатулку, в которой вместе с веерами, украшенными драгоценными камнями, лежали душистые гирлянды из разных цветов. После того как царь украсил себя цветами, яккхи осведомились, что ему еще угодно, и царь дал им понять, что голоден. Яккхи тотчас же отправились во дворец царя-злодея и мигом воротились с приготовленными для царя Косалы разнообразными кушаньями и всевозможными приправами. И царь бенаресский, теперь чистый и умастивший свое тело благовониями, надевший царские одежды и украсившийся цветами, отведал этих изысканных блюд. Яккхи подали ему затем принесенную от царя-злодея ароматичную воду в золотом кубке, черпать ее нужно было золотой чашечкой,— и то и другое тоже доставили из дворца,— царь напился и прополоскал рот. Пока он смывал с пальцев остатки пищи, яккхи принесли ему из дворцовых покоев ароматнейший бетель, и когда царь сунул его в рот, спросили: «Что нам еще сделать, государь?» «Доставьте мне,— сказал им царь,— меч, приносящий удачу, он лежит у изголовья царя-злодея». Яккхи тотчас же подали ему меч. Царь взял его в руки, приказал распрямить мертвеца и, ударом по черепу, расчленил тело на две равные части, затем дал каждому из яккхов причитающуюся ему половину и, омыв лезвие, вытер меч насухо. Наевшись мертвечины, довольные яккхи обратились к царю: «О великий! Что бы нам еще для тебя сделать?» «Доставьте-ка меня,— попросил их царь,— силою вашего волшебства прямо в спальню царя-злодея, а всех моих советников разнесите по домам». «Слушаемся, государь»,— ответили яккхи и выполнили царский приказ.

А в это время царь-злодей покоился на роскошном ложе в богато украшенной спальне, погруженный в сладостный сон. Когда бенаресский царь шлепнул его, погруженного в сновидения, плоской стороной меча по брюху,— вздрогнув от испуга, царь Косалы пробудился и, увидав при свете лампы, что перед ним Махасилава, вскочил с ложа и, собравшись с духом, воскликнул: «О великий! Сейчас глубокая ночь, двери заперты, и стража, расставленная по всему дворцу, караулит входы и выходы. Как же ты, в богатых одеждах и с мечом в руке, сумел пробраться сюда, в эту спальню?» Царь Каси в подробности поведал ему обо всех своих приключениях, и когда злодей узнал обо всем, сердце его дрогнуло, и, обращаясь к царю, он вскричал: «О великий! Как случилось, что я, человек, не сумел оценить твои добродетели, а эти жестокие грубые яккхи, питающиеся кровью и мясом, распознали в тебе добро? О величайший из людей! Отныне я никогда не пойду против тебя, наделенного столь великой нравственной силой!» И, взяв свой меч, царь Косалы поклялся на нем в верности. Затем, вымолив у царя бенаресского прощение, он упросил его лечь на огромное царское ложе, а сам пристроился рядом на узкоц постели.

Когда же настало утро и взшло солнце, царь Косалы повелел бить в барабаны и сзывать народ, и собравшимся по его приказу советникам, брахманам, мирянам и иному люду, а также и всем своим воинам он сам, сияя, как луна на небе, поведал о добродетелях царя Силавы и, вновь, в

присутствии всех подданных, испросив прощения, вручил ему знаки царской власти, сказав: «Отныне да будет — с твоего разрешения — моей обязанностью карать злодеев: ты управляй царством, а я буду твоим верным стражем». И царь Косалы, повелев примерно наказать коварного советника, выступил со всем своим войском из Бенареса и направился в Косалу.

Между тем царь Махасилава в богато украшенных одеждах, восседая в позе оленя на золотом троне под сенью белого зонта и объемля мыслью все, с ним происшедшее, думал так: «Не будь я столь мужественно непреклонен, не видать бы мне всего этого великолепия и не быть бы тысяче моих советников живыми и невредимыми. Ведь только благодаря моей стойкости я и смог вернуть себе утраченную было славу и сохранить жизнь. Воистину, никогда нельзя терять надежду, надо неизменно быть мужественным и стойким, ибо вот ведь какой плод обретает тот, кто был стоек». И, полный этой мыслью, царь Махасилава тут же сложил и единым духом пропел такой стих:

Крепись душою, славный муж,
в деяньях мудрости высок.
Ведь я постиг себя вполне,
достичь желаемого смог.

И, выдохнув из себя в едином порыве эти слова, Бодхисатта помыслил: «Да, поистине, люди добродетельные пожинаят плоды мужества и стойкости!» С этим убеждением он прожил остаток жизни, творя добро, а когда его срок истек, перешел в иное рождение в согласии с накопленными заслугами».

Завершая наставление в дхамме, Учитель объяснил слушавшему его бхиккху суть Четырех Благородных Истин. И, уразумев их, этот монах утвердился в арахатстве. Учитель же тогда истолковал джатаку, так связав перерождения: «Коварным советником был Девадатта, тысяча царских советников — это ученики и последователи Пробужденного, добродетельным же царем Махасилавой был я сам».

перевод с пали Б.Захарьина